

ПОСЛЕ
РАЗВОДА
Второй шанс?

Ася Акатова

После развода. Второй шанс?

«Литнет»

2026

Акатова А.

После развода. Второй шанс? / А. Акатова — «Литнет», 2026

— Даша, я люблю тебя. Только тебя. Она ничего не значит, это просто... я не знаю... дурь. Мужичья дурь. Я всё прекращу, клянусь тебе. Прямо сейчас. Сегодня.— Ты вчера с ней виделся?Пауза. Короткая, но достаточная.— Да.— Ты имел ее?— Даша...— Отвечай. Имел?— Да.Я снова кивнула. Вчера. За несколько часов до того, как мы пошли в ресторан и он говорил мне про любовь и Мальдивы. Он кувыркнулся с ней, а потом пришел ко мне с розами.— Даша, прости меня. Я дурак. Я идиот. Я всё понимаю. Но я не хочу терять семью. Я не хочу терять тебя. Дай мне шанс всё исправить.

Содержание

Мой приговор...	5
Спектакль окончен?	7
Хорошо с тобой	9
Пора заканчивать?	11
Целую нежно	13
Плата за смех	17
Семейный психолог	20
Собрать осколки	23
Явилась - не запылилась	27
Чем она лучше?	29
Сын прав?	31
Увидимся еще?	34
Наступил на грабли	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мой приговор...

В моей смерти прошу винить овсянку.

Если бы я в то утро проснулась на пять минут позже. Если бы Игорь не забыл дома телефон. Если бы я не полезла его мыть, эту дурацкую кастрюлю, из которой эта овсянка еле отскребалась.

Если бы, если бы, если бы.

Я стояла у плиты, скребла пригоревшее дно и материла про себя мужа, который вчера обещал вымыть посуду, но, как обычно, "устал и забыл". За окном октябрь поливал Москву нудным дождем, за спиной шуршала газета, и мир был в полном порядке.

— Опаздываю, — Игорь чмокнул меня в затылок, на ходу застегивая пиджак. — Сегодня важная встреча, не жди.

— Мы в ресторан сегодня. В восемь.

— Ах да... — он запнулся на секунду. — Слушай, может, перенесем?

— Нет.

— Тогда я постараюсь.

Он всегда "старался". Последние полгода — особенно старательно. Задерживался, уезжал в командировки, приносил цветы без повода и смотрел сквозь меня, когда я рассказывала про заказчиков.

Я списала на кризис среднего возраста. Сорок лет — страшная цифра для мужиков. Им кажется, что жизнь кончается, и они начинают доказывать обратное. Покупают мотоциклы, уходят в запой или заводят молодых любовниц.

Игорь купил абонемент в спортзал и сменил гардероб. Я была спокойна. Мой муж — не дурак. Умные мужики выбирают мотоциклы.

Дверь хлопнула. Я выключила воду, вытерла руки и только тогда заметила телефон на столе. Черная пластиковая прямоугольная тварь, которая через пять секунд разнесет мою жизнь в щепки.

Я взяла его, чтобы убрать в ящик, и в этот момент пришло сообщение.

Экран загорелся. Я увидела имя.

Анфиса.

Красивое. Редкое. И абсолютно мне незнакомое.

Дальше было то, что бывает в кино, но никогда — в реальности. Слова сами сложились в строчки, хотя я не нажимала "прочитать". Глаза — эти предательские органы — сделали всё за меня.

"Сладкий, я до сих пор чувствую твои руки. Вчера было волшебно. Когда ты приедешь? Я схожу с ума".

Я смотрела на экран и думала: это ошибка. Дурацкая шутка. Кто-то из друзей решил разыграть, прислал сообщение не туда. Сейчас Игорь вернется за телефоном, я покажу ему, он засмеется и скажет: "Ох уж эти Петька с Серегой, вечно дурака валяют".

Я так хотела в это верить, что почти поверила.

Почти.

Потому что вчера Игорь пришел в два ночи. Сказал — совещание затянулось. Я уже спала, но помню, как он прилег рядом, как пахло от него не офисом, а чем-то сладким, приторным. Чужими духами. Я тогда подумала — новая секретарша, наверное, душится как проститутка. Надо будет сказать, чтоб проветривал кабинет.

Надо было.

— Мам, а че на завтрак?

Я вздрогнула. Сын стоял в дверях кухни, лохматый, сонный, в растянутой пижаме.

— Овсянка, — мой голос прозвучал ровно. Слишком ровно.

Он скривился, но полез в холодильник за йогуртом. Я смотрела на его худую спину и думала: а что, если?..

Нет. Не может быть. Игорь любит нас. У нас семья. У нас ипотека, совместные планы на Новый год, свекровь, которая меня бесит, и кот, которого он принес котенком, когда мы только поженились.

Восемнадцать лет.

Восемнадцать лет нельзя просто так выкинуть в мусорку.

Я снова посмотрела на экран. Сообщение висело там, неоновое, наглое, нестираемое.

— Я в душ, — сын умял йогурт и исчез.

Я осталась одна. С телефоном в руке. С остывшей овсянкой в кастрюле. С мыслью, от которой внутри всё сжималось в тугую, ледяной ком.

Анфиса.

Интересно, сколько ей лет? Двадцать пять? Двадцать три? Наверное, длинные ноги, губы бантиком и никаких морщин. Такие, как она, не варят овсянку по утрам. Такие, как она, не глядят рубашки и не записывают мужа к стоматологу.

Такие, как она, говорят "сладкий" и "я схожу с ума".

А такие, как я, чистят пригоревшие кастрюли и верят, что мужья задерживаются на совещаниях.

Я нажала кнопку блокировки. Положила телефон на место. Села за стол и уставилась в окно.

Дождь всё лил. Светофор на перекрестке мигал зеленым. Тетка с собачкой тащилась по лужам. Жизнь продолжалась.

В моей голове что-то щелкнуло и отключилось. Наверное, та часть, которая отвечает за боль. Пока она не работала, я могла думать почти спокойно.

Что делать?

Устроить скандал? Сжечь его рубашки? Позвонить этой Анфисе и сказать, чтоб убиралась?

Или сделать вид, что ничего не было? Подождать, пока само рассосется? Мужики же как дети — поиграют и бросят.

Я представила, как буду ждать. День, неделю, месяц. Ждать, пока муж наиграется в чужую постель, а потом вернется ко мне — уставший, виноватый, с цветами и обещаниями, что «это было ошибкой».

— Ну уж нет, — сказала я вслух.

Голос прозвучал жестко. Чужо. Так, наверное, говорят женщины, которые приняли решение.

Я встала, убрала телефон Игоря в ящик стола и пошла в душ.

Потому что если я сейчас разревусь, если позволю себе хоть на секунду поверить в то, что только что случилось, — я развалюсь на куски. А разваливаться нельзя. У меня сын. У меня работа. У меня, в конце концов, гордость.

Посмотрим, Анфиса.

Посмотрим, кто из нас останется в дураках.

Спектакль окончен?

Душ — единственное место в квартире, где можно побыть одной.

Вода лилась по лицу, смешиваясь со слезами, которых я обещала себе не лить. Я стояла под горячими струями и считала. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Глубокий вдох. Выдох.

На десятом вдохе руки перестали трястись.

Я выключила воду, замоталась в полотенце и посмотрела на себя в зеркало. Из запотевшего стекла на меня смотрела женщина с мокрыми волосами и пустыми глазами. Сорок лет. Ни одной пластической операции. Несколько морщин вокруг глаз, которые я раньше считала "смешливыми", а теперь они казались просто глубокими бороздами.

— Ну и что ты будешь делать, героиня? — спросила я свое отражение.

Отражение промолчало. Оно тоже не знало.

Из душа я вышла другим человеком. Нет, внешне всё было по-прежнему: я надела джинсы и свитер, собрала волосы в пучок, нанесла минимум косметики. Но внутри работала программа перезагрузки.

Телефон Игоря лежал в ящике стола. Я достала его, покрутила в руках. Пароль я знала — день рождения сына. Он был слишком ленив, чтобы менять пароли, и слишком самоуверен, чтобы считать меня способной на слежку.

Я разблокировала экран.

Чувство было такое, будто я вошла в чужой дом через окно. Грязно, мерзко, но остановиться я уже не могла.

Сообщения.

Анфиса.

Я открыла чат и начала читать.

*"Ты сегодня придешь?"
 "Я купила то белье, о котором ты говорил"
 "Игорь, не игнорируй меня, пожалуйста"
 "Ты обещал"
 "Сладкий, я тебя очень жду)))"*

Его ответы были короче. Сдержаннее. Он не писал «люблю» и не рассыпался в нежностях. Он писал: *"Освобожусь — позвоню", "Не сегодня, дела", "Купи себе что-нибудь, я перевожу деньги"*.

Я пролистывала сообщения вверх. Полгода назад. Ровно полгода.

"Вы кто?" — это первое сообщение от Анфисы.

"Я Игорь, мы познакомились на презентации. Вы дали мне визитку" — это ответ Игоря.

Значит, не случайно. Не пьяная ошибка. Полгода планомерных встреч, переписок, «задерживаюсь на работе» и командировок на выходные.

Я отложила телефон и закрыла лицо руками.

Полгода.

Я жила с ним, спала с ним, готовила ему завтраки, стирала его рубашки, слушала его планы на отпуск — а он полгода трахал двадцатидвухлетнюю девицу и врал мне в глаза каждый день.

Каждый. День.

— Мам, ты где? — голос сына из коридора заставил меня вздрогнуть. — Я в школу опоздаю!

— Иду!

Я сунула телефон обратно в ящик и выбежала в коридор. Сын стоял с рюкзаком, натягивая кроссовки.

— Деньги дай на обед.

Я сунула руку в карман джинсов, вытащила купюру. Он кивнул, чмокнул меня в щеку и вылетел за дверь.

Я смотрела на дверь и думала: он имеет право знать? Имеет право знать, что его отец — козел? Или пусть живет в своем мире, где папа — герой, пока правда не припрет сама?

Не знаю. Пока не знаю ничего.

День тянулся бесконечно.

Встреча с заказчиками прошла как в тумане. Я кивала, улыбалась, рисовала что-то в блокноте, но перед глазами стояли сообщения. *"Я купила то белье". "Ты обещал". "Сладкий".*

В обед я заехала в салон обоев на Семеновской. Выбрала три образца, расплатилась, записала доставку. Автоматически. Как робот. Потому что перед выходом учуяла духи от пальто Игоря.

Те самые. Сладкие, приторные, которые я учуяла в ту ночь, когда он пришел в два часа.

Я прижала пальто к лицу и вдохнула глубоко, как наркоманка, которая ищет закладку. Да. Они. Впитались в ткань, пропитали воротник, рукава. Он был в этом пальто вчера. Он был в нем с ней. Я вдыхала запах женщины, которая разрушила мою жизнь.

Ужин. У нас же ужин сегодня в ресторане. Он обещал быть в восемь. С цветами.

Посмотрим, Игорек.

Посмотрим, с каким лицом ты будешь смотреть мне в глаза.

Вечером я накрашилась тщательнее обычного. Надела новое платье — темно-синее, которое он купил мне на день рождения и просил носить чаще. Распустила волосы. Посмотрела на себя в зеркало.

Из зеркала смотрела красивая женщина. Сорок лет — действительно не приговор. Просто возраст, когда перестаешь верить в сказки и начинаешь верить фактам.

Ровно в восемь в дверь позвонили.

Я открыла.

Игорь стоял на пороге с огромным букетом роз. Бордовых, как кровь. В руках он мялся, улыбался виновато.

— Прости, что вчера задержался, — сказал он и протянул цветы. — Совещание было жуткое. Я так устал, что даже не позвонил. Ты не сердись?

Я взяла букет. Вдохнула запах роз. Посмотрела ему в глаза.

В его глазах была усталость, легкая вина и полное спокойствие человека, который уверен, что его ложь никогда не раскроется.

— Нет, — сказала я и улыбнулась. — Нисколько не сержусь.

Он облегченно выдохнул, шагнул вперед, обнял меня, поцеловал в макушку.

— Ты пахнешь... — он запнулся на секунду.

— Чем? — спросила я спокойно.

— Домашним уютом. — Он поцеловал меня в висок. — Я так соскучился.

Я закрыла глаза и позволила себя обнять. Чужие руки на моей талии. Чужой мужчина, который живет со мной восемнадцать лет.

— Идем ужинать? — спросила я.

— Идем.

Он взял меня за руку, и мы вышли в октябрьский вечер. Дождь кончился. Москва сверкала огнями, мокрый асфальт отражал вывески, где-то играла музыка.

Я шла рядом с мужем, держала его за руку, улыбалась — и чувствовала себя актрисой в фильме ужасов.

Главный монстр шел со мной рядом и не подозревал, что я уже всё знаю.

Посмотрим, сколько продлится этот спектакль.

Хорошо с тобой

"Чайка" встретила нас теплым светом и запахом трюфельного масла.

Игорь заказал столик у окна — мы любили смотреть на вечернюю Москву, на огни машин, на то, как город готовится ко сну. Официант принес меню в кожаных обложках, разлил воду с лимоном и исчез.

— Красиво тут, — сказал Игорь, оглядывая зал. — Молодец, что выбрала.

— Ты тоже молодец, что пришел.

Он улыбнулся, но в глазах мелькнуло что-то похожее на неловкость. Я знала этот взгляд — так он смотрел, когда опаздывал на родительские собрания или забывал про день рождения моей мамы. Виновато-снисходительный. "Ну прости, я такой занятой, но ты же меня любишь такого".

— Давай шампанского? — предложил он. — Отметим... ну, просто так.

— Отметим что?

— Что мы есть друг у друга.

Я смотрела на него через стол и думала: он сейчас врет или правда так чувствует? Может, он действительно считает, что можно любить жену и трахать другую? Может, для мужиков это вообще разные вещи?

Шампанское принесли быстро. Игорь поднял бокал:

— За нас.

Я чокнулась, глотнула. Пузырьки зашипели горло.

— Рассказывай, — сказала я. — Как прошел день?

Он оживился. Начал рассказывать про проект, про нового клиента, про то, как Серега снова облажался с презентацией. Я слушала, кивала, задавала вопросы в нужных местах — и не слышала ни слова.

Я смотрела на его руки.

Эти руки гладили меня по голове, когда я болела. Эти руки держали сына, когда он родился — крошечный комочек в синей пеленке. Эти руки строили нашу дачу, вешали полки, меняли колеса на моей машине.

И эти же руки лапали двадцатидвухлетнюю Анфису.

— Даш? Ты слушаешь?

— А? Да. Конечно. Серега молодец.

Игорь нахмурился:

— Я сказал, что Серега идиот. Ты вообще где витаешь?

— В Италии, — улыбнулась я. — Думаю о ризотто. Оно того стоит?

Он засмеялся. Напряжение спало.

Мы сделали заказ. Игорь выбрал ризотто с грибами, я — морского окуня. Официант записал, поклонился и ушел.

— Знаешь, — сказал Игорь вдруг, — я тут думал. Может, нам съездить куда-нибудь вдвоем? Без сына, без работы. Просто мы и море.

— В Сочи? Ты же предлагал.

— Нет, дальше. Куда-нибудь, где тепло. На Мальдивы, например. Или в Таиланд. Ты же любишь Таиланд.

Я любила Таиланд. Мы ездили туда десять лет назад, когда еще можно было оставить сына с бабушкой и не бояться, что он умрет от голода или испортит зрение телевизором. Это была лучшая поездка в нашей жизни — бунгало на берегу, белый песок, он массировал мне ноги по вечерам и говорил, что я самая красивая.

— А работа? — спросила я.

— Работа подождет.

— А проекты?

— Проекты никуда не денутся.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри закипает что-то темное и тяжелое. Он сейчас говорит это искренне. Он правда хочет со мной на Мальдивы. Он правда любит меня — своей странной, мужской, эгоистичной любовью.

И при этом у него есть другая.

Как это сочетается в одной голове? Как он сам с этим живет?

— Игорь, — сказала я тихо, — а ты счастлив?

Он удивился:

— С чего такой вопрос?

— Просто интересно. Тебе сорок. У тебя есть семья, работа, дом. Ты доволен?

Он задумался. Потер подбородок. Отхлебнул шампанского.

— Знаешь, бывают моменты, когда кажется, что всё... пресно, что ли. Рутинка заедает.

Работа — дом — работа. Иногда хочется чего-то... — он запнулся, подбирая слово, — острого.

— Острого?

— Ну да. Как перчик в блюде. Чтобы встряхнуло.

Я кивнула. Осторожно, стараясь не расплескать спокойствие, спросила:

— И что ты делаешь, когда хочется острого?

Он посмотрел на меня внимательно. Слишком внимательно.

— А почему ты спрашиваешь?

— Просто разговор.

Пауза затянулась. В ней могло поместиться всё — его ложь, мое знание, наша общая жизнь, которая трещала по швам.

— Хожу в спортзал, — ответил он наконец. — Выматываюсь так, что ни о чем думать не хочется.

Я улыбнулась. Спортзал. Ну конечно.

Принесли еду. Ризотто выглядело идеально — сливочное, с крупными кусками грибов, посыпанное зеленью. Окунь лежал на подушке из овощей, аппетитно шкварча.

— Давай сфоткаем, — сказал Игорь и достал телефон.

Я замерла.

Его телефон. Тот самый, с сообщениями от Анфисы. Он разблокировал его при мне — день рождения сына, я не ошиблась. Открыл камеру, навел на тарелки.

— Улыбнись, — сказал он.

Я улыбнулась. Щелчок. Фото сохранилось в галерее, где, я знала, были и другие фото. С ней.

— Красиво получилось, — он показал мне экран.

Я кивнула. Есть не хотелось. Я ковыряла вилкой рыбу, отправляла в рот маленькие кусочки, жевала и думала только об одном: его телефон лежит на столе экраном вверх.

Если сейчас придет сообщение.

Если она напишет.

Если он увидит мое лицо в тот момент, когда придет уведомление...

Пора заканчивать?

— Даш, ты чего не ешь? — Игорь смотрел на меня с беспокойством. — Невкусно?

— Вкусно. Просто наелась быстро.

— Выглядишь уставшей. Может, отменим завтрашние планы? Поспишь?

Завтра у нас были планы. Ехать к его маме в Ярославль. Я ненавидела эти поездки — свекровь считала своим долгом научить меня жизни, а я считала своим долгом молчать и улыбаться.

— Нет, поедем, — сказала я. — Обещали же.

— Ну смотри. — Он отложил вилку, потянулся через стол и накрыл мою руку своей. — Ты у меня молодец. Я тебя люблю.

Теплая ладонь. Родная. Чужая.

— Я знаю, — ответила я.

Мы расплатились, вышли на улицу. Дождь кончился совсем, воздух пах влажной листвой и выхлопными газами. Москва жила своей ночной жизнью — где-то гремела музыка, сигналили машины, смеялись прохожие.

— Пройдемся? — предложил Игорь.

— Давай.

Мы пошли по набережной. Он взял меня под руку, прижал к себе. Я чувствовала тепло его тела, слышала дыхание, видела, как светят фонари на другой стороне реки.

— Помнишь, как мы гуляли здесь, когда только поженились? — спросил он.

— Помню.

— Ты была в том дурацком розовом пальто. И все время мерзла, я тебя грел.

— А ты купил мне шапку у метро. Страшную, вязаную.

— Зато теплую. — Он засмеялся. — Ты ее носила потом долго.

— Носила.

Мы остановились у парапета. Вода в реке была черной, маслянистой, огни отражались и дрожали. Игорь встал сзади, обнял меня за плечи, уткнулся носом в макушку.

— Дашка... — выдохнул он.

— Что?

— Ничего. Просто хорошо с тобой.

Я закрыла глаза. В его объятиях было тепло и спокойно. На одну секунду я позволила себе забыть. На одну секунду я снова стала той женщиной, которая верит, что у нее идеальный муж и идеальная жизнь.

А потом я вспомнила запах духов на его пальто.

Я открыла глаза и посмотрела на свое отражение в черной воде.

— Игорь, — сказала я тихо.

— М?

— Ты меня когда-нибудь обманывал?

Его руки на моих плечах напряглись. Пауза. Одна секунда. Две.

— С чего ты взяла?

— Просто спросила.

Он развернул меня к себе. Заглянул в глаза. Я смотрела на него в упор — и видела, как в его зрачках мечется страх.

— Даша, ты чего? Что случилось?

— Ничего не случилось. — Я улыбнулась. — Просто думаю. Сорок лет — время подводить итоги. Вот я и подвожу.

Он не знал, что ответить. Стоял, сжимал мои плечи и молчал.

Я первая отвернулась.

— Поехали домой. Завтра рано вставать.

В машине мы молчали. Игорь включил радио, но я не слышала музыку. Я смотрела в окно на пролетающие мимо огни и считала.

Полгода. Сто восемьдесят дней. Четыре тысячи триста двадцать часов, в течение которых мой муж врал мне.

Дома я разделась, умылась, легла в постель. Игорь пришел через десять минут, обнял меня со спины, прижался.

— Даш, — шепнул он в темноте, — я правда тебя люблю. Ты же знаешь.

Я не ответила.

Я лежала с открытыми глазами и смотрела, как свет фар проезжающих машин ползет по потолку. Его рука лежала на моей талии. Тяжелая. Родная. Чужая.

В голове крутилось только одно:

Завтра я поеду к твоей маме. Буду улыбаться, слушать ее нотации, пить чай с ее дурацкими пирожками. А потом вернусь домой и решу, что делать дальше.

Но одно я знала уже точно.

Спектакль заканчивается.

Целую нежно

Утро встретило меня серым небом и головной болью.

Я не спала почти всю ночь. Ворочалась, считала овец, считала годы, считала удары своего сердца — оно билось ровно, предательски спокойно, будто не знало, что его хозяйка только что потеряла землю под ногами.

Игорь спал рядом. Дышал ровно, иногда всхрапывал — я раньше любила эту его привычку, гладила по спине, чтобы перестал, а теперь просто лежала и слушала. Как врач у постели безнадежного больного.

В семь утра зазвонил будильник.

— Подъем, — я села на кровати и потянулась. Голос прозвучал обычно. Никаких следов бессонницы. Никаких следов катастрофы.

Игорь застонал, натянул одеяло на голову.

— Может, не поедем?

— Поедем.

— Ну Даш...

— Твоя мама ждет. Вставай.

Он не видел моего лица. Не видел, как я смотрела на него в ту секунду, когда говорила про его маму. Если бы он увидел, он бы, наверное, испугался. Потому что в моем взгляде не было злости. Не было обиды. Там было что-то похуже — ледяное спокойствие человека, который уже всё решил.

Дорога до Ярославля заняла три часа.

Игорь вел машину, я сидела рядом и смотрела в окно. Леса, поля, деревни с покосившимися избами, заправки, придорожные кафе — всё проплывало мимо, как в кино, где у тебя нет роли.

— Ты какая-то тихая сегодня, — сказал Игорь, когда мы проезжали Сергиев Посад.

— Выспаться не успела.

— Я же предлагал отдохнуть.

— Игорь, оставь.

Он покосился на меня, но промолчал. Умный. Чувствует, что что-то не так, но не знает, что именно. И спросить боится — вдруг узнает правду, к которой не готов.

Я усмехнулась про себя. Какая ирония. Он боится моей правды, а я уже знаю всю его.

Свекровь жила в хрущевке на окраине города. Третий этаж, обшарпанный подъезд, запах кошек и старых ковров. Я ненавидела этот подъезд восемнадцать лет, но сейчас зашла в него как в зону боевых действий — мобилизованная и готовая к обороне.

— Деточки! — Нина Петровна распахнула дверь, едва мы поднялись. — Приехали! А я уже пироги поставила, думаю, ну где же они, а вы вот они!

Она обняла сына, чмокнула его в обе щеки, потом повернулась ко мне и окинула оценивающим взглядом.

— Дашенька, а ты чего такая бледная? Недосыпаешь? А я говорила — надо раньше ложиться. В вашем возрасте уже нельзя ночами не спать, организм не железный.

— Здравствуйте, Нина Петровна, — сказала я и шагнула внутрь.

Квартира пахла пирогами, нафталином и старостью. Тот же сервант с хрусталем, те же ковры на стенах, та же фотография Игоря в выпускном классе — лопоухий, смешной, с дурацкой челкой.

— Проходите, проходите, я стол накрыла. Игорь, помоги мне на кухне.

Я села на диван и выдохнула. Пять минут тишины. Пять минут, чтобы собраться с силами.

Из кухни доносились голоса:

— ...худеешь? Нормально питаешься?
— Мам, всё хорошо.
— А жена чем кормит? Одними салатами, небось?
— Мам, прекрати.
— А чего прекрати? Я забочусь. Вы уже не молодые, здоровье беречь надо.

Я закрыла глаза. Раньше эти разговоры выводили меня из себя. Я злилась, огрызалась, доказывала, что я хорошая жена. А теперь — теперь мне было всё равно. Пусть говорит. Пусть считает меня плохой. Какая разница, что думает обо мне женщина, которая вырастила предателя?

Обед прошел по обычному сценарию.

Нина Петровна накладывала еду, причитала, что мы мало едим, расспрашивала про работу, про сына, про планы на Новый год. Игорь отвечал, шутил, подливал мне чай. Я улыбалась в нужных местах и кивала.

— А вы в Сочи собрались? — спросила свекровь. — Я слышала, Игорь говорил.

— Планируем, — ответил он.

— Одни? Или с Пашкой?

— Пашка в школе, — встряла я. — Пусть учится.

— Правильно, — одобрила Нина Петровна. — Молодые должны отдельно отдыхать. А то привязались к ребенку, сами себя забыли. Я вот в вашем возрасте...

Она начала рассказывать про свой отдых в санатории двадцать лет назад. Я слушала вполуха, жевала пирог с капустой и смотрела на Игоря.

Он сидел напротив, расслабленный, довольный. Мама рядом, жена рядом, жизнь удалась. Ни тени вины, ни тени беспокойства. Умеет же отключаться.

— Игорь, — сказала я вдруг, перебивая свекровь на полуслове.

— А?

— Ты хотел показать маме свои старые фотографии? Помнишь, альбом в детской?

Нина Петровна засияла:

— Ой, и правда! Игорек, достань, я так редко их смотрю. Там ты маленький такой, смешной...

Игорь послушно встал и пошел в бывшую детскую. Я смотрела ему вслед и ждала.

Минута. Две. Три.

— Даша, — раздалось из комнаты. Голос был странный. Напряженный.

Я поднялась, извинилась перед свекровью и пошла на зов.

Игорь стоял посреди комнаты с телефоном в руке. Лицо у него было белое, как мел.

— Что случилось? — спросила я, хотя уже знала ответ.

Он молча протянул мне телефон.

Экран горел. Сообщение от Анфисы.

"Ты куда пропал? Я соскучилась. Приезжай сегодня, я одна. Целую нежно"

Я прочитала. Подняла глаза на Игоря. Он смотрел на меня с ужасом — настоящим, животным ужасом человека, которого поймали с поличным.

— Даша, я...

— Что — ты?

— Это не то, что ты думаешь.

Я молчала. Смотрела на него и молчала. В комнате было тихо — только часы тикали на стене да откуда-то с кухни доносился голос свекрови, которая всё рассказывала про свой санаторий.

— Даша, пожалуйста, дай мне объяснить.

— Объясни.

Он замялся. Открыл рот, закрыл, снова открыл. Ни одного звука.

— Я слушаю, Игорь. Объясняй.

— Это... это просто... она... мы... это ошибка. Глупая ошибка. Я не знаю, как это вышло.

— Сколько?

— Что?

— Сколько это длится?

Он отвел глаза. И в этом движении был весь ответ.

— Полгода? — спросила я. — Или больше?

Он молчал.

— Я спрашиваю, сколько?

— Почти полгода.

Я кивнула. Информация подтвердилась. Внутри не дрогнуло ничего — я уже пережила эту боль вчера утром, когда читала его переписку. Сейчас была только констатация факта.

— Даша, я люблю тебя. Только тебя. Она ничего не значит, это просто... я не знаю... дурь. Мужичья дурь. Я всё прекращу, клянусь тебе. Прямо сейчас. Сегодня.

— Ты вчера с ней виделся?

Пауза. Короткая, но достаточная.

— Да.

— И трахал ее?

— Даша...

— Отвечай. Трахал?

— Да.

Я снова кивнула. Вчера. За несколько часов до того, как мы пошли в ресторан и он говорил мне про любовь и Мальдивы. Он трахал ее, а потом пришел ко мне с розами.

— Даша, прости меня. Я дурак. Я идиот. Я всё понимаю. Но я не хочу терять семью. Я не хочу терять тебя. Дай мне шанс всё исправить.

Он шагнул ко мне. Хотел обнять. Я отступила на шаг.

— Не подходи.

— Дашенька...

— Я сказала — не подходи.

Он замер. В глазах — боль, страх, надежда. Такой знакомый, такой родной, такой чужой.

— Что мне сделать? — спросил он тихо. — Что угодно. Уволюсь. Уедем. Сменим телефон. Я порву с ней прямо сейчас, хочешь, при ней позвоню?

— Игорь.

— Что?

— Заткнись.

Он заткнулся.

Я смотрела на него и думала: вот он — момент, которого я боялась и ждала. Момент правды. Момент, когда всё рушится. И знаешь, что странно? Рушится не так больно, как я представляла. Наверное, потому что я уже две недели живу в руинах, просто он об этом не знал.

— Мы поедем домой, — сказала я спокойно. — Сейчас. Ты скажешь маме, что срочные дела. Мы сядем в машину и поедем. И всю дорогу ты будешь молчать. Понял?

— Даша...

— Я спросила — понял?

— Понял.

Я развернулась и пошла на кухню.

— Нина Петровна, извините, нам срочно нужно ехать. Игорю на работу позвонили, проблемы.

— Как срочно? А пироги? А чай? — свекровь всплеснула руками.

— В следующий раз. Простите, правда.

Я чмокнула ее в щеку — жест, который дался мне с нечеловеческим усилием — и пошла к двери. Игорь плелся сзади, не поднимая глаз.

В машине мы молчали три часа.

Он не пытался заговорить — то ли боялся, то ли понимал, что любые слова сейчас бесполезны. Я смотрела в окно и думала.

Дома нас встретил сын.

— Вы чего так рано? — удивился он, увидев нас на пороге. — Я думал, вы до вечера.

— Обстоятельства изменились, — сказала я. — Ты ел?

— Ага, разогрел макароны.

— Молодец.

Я разулась, прошла в спальню и закрыла дверь. Села на кровать и уставилась в стену.

Через минуту в дверь постучали.

— Даша, можно?

— Нет.

— Пожалуйста, дай мне...

— Игорь, уйди. Я сказала — нет.

Тишина. Потом звук удаляющихся шагов.

Я легла на кровать, свернулась калачиком и закрыла глаза.

В голове было пусто. Совсем пусто. Как в квартире, из которой вынесли всю мебель.

Только одна мысль билась где-то на периферии, тихая и настойчивая:

Анфиса. Интересно, сколько ей лет? Двадцать три? Двадцать пять? Наверное, красивая. Наверное, смеется звонко и не морщится по утрам.

Я открыла глаза и посмотрела в потолок.

— Ну что ж, девочка, — сказала я вслух. — Добро пожаловать в мою жизнь. Посмотрим, надолго ли тебя хватит.

Плата за смех

Следующие три дня я прожила на автомате.

Вставала, готовила завтрак, провожала сына в школу, ехала на встречи с заказчиками, рисовала эскизы, выбирала ткани, согласовывала сметы. Вечером возвращалась домой, готовила ужин, проверяла уроки, ложилась спать.

Игорь эти три дня ночевал в гостинной на диване.

Мы почти не разговаривали. Он пытался — подходил, спрашивал, как дела, предлагал помощь. Я отвечала односложно и уходила в спальню. Не потому, что играла в молчанку. Просто говорить было не о чем.

Всё, что можно было сказать, я уже сказала.

Сын, кажется, что-то чувствовал. Несколько раз ловила на себе его внимательные взгляды. Однажды спросил:

— Мам, а у вас с папой всё нормально?

— Всё нормально, — ответила я. — Просто устали оба. Работа, знаешь ли.

Он кивнул, но по глазам было видно — не поверил. Дети вообще чувствуют ложь острее, чем мы думаем.

На четвертый день я поняла, что так дальше нельзя.

Не потому, что соскучилась по Игорю или решила простить. А потому, что жить в состоянии подвешенности — хуже любой определенности. Даже самой плохой.

Я ждала его вечером на кухне.

Он пришел с работы около восьми. Увидел меня за столом, замер в дверях.

— Привет, — сказал осторожно.

— Садись. Поговорить надо.

Он сел напротив. Вид у него был замученный — небритый, глаза красные, рубашка мятая. В другой жизни я бы пожалела, налила чаю, спросила, что случилось. Сейчас просто смотрела и ждала, когда внутри шевельнется хоть что-то.

Не шевелилось.

— Я тут подумала, — начала я. — Нам надо решать, что дальше.

— Я готов на всё, — быстро сказал он. — Даша, я...

— Подожди. Дай договорить.

Он замолчал.

— Я не знаю, смогу ли простить. Честно. Не знаю. Может, через год пойму. Может, через пять. А может, никогда. Но жить в этом тумане я больше не могу.

— Что ты предлагаешь?

— Несколько вариантов. Первый — ты уходишь. Сейчас. Собираешь вещи и уезжаешь. Будем разводиться, делить имущество, решать, как быть с Пашкой.

Он побледнел.

— Второй вариант — ты остаешься. Но мы живем как соседи. Разные комнаты, общий быт. Для Пашки — чтобы он не видел всего этого кошмара. И я буду смотреть, что будет дальше.

— Третий?

— Третий — ты идешь к психологу. Один. И мы идем к семейному. Вместе. Если ты действительно хочешь спасти семью, тебе надо разобраться в своей голове. Почему ты это сделал. Как ты это сделал. И как мне с этим жить.

Он слушал, не перебивая. Потом тихо спросил:

— А ты? Ты пойдешь к психологу?

— Пойду. Если ты пойдешь.

— Я пойду.

— Тогда решай. Прямо сейчас.

Он смотрел на меня, и я видела, как в его глазах мечется страх. Страх потерять. Страх, что я выберу первый вариант. Страх, что даже если я выберу второй, ничего уже не будет как прежде.

— Я останусь, — сказал он наконец. — И пойду к психологу. Куда скажешь.

— Хорошо.

Я встала, подошла к плите, налила себе чай. Повернулась к нему.

— И еще одно. Ты должен ей позвонить. При мне.

— Кому?

— Анфисе. Ты должен сказать ей, что всё кончено. Что ты выбираешь семью. И что ты больше никогда с ней не встретишься.

Он замер.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Он достал телефон. Посмотрел на экран. Потом на меня.

— Даша, может, не надо? Я просто удалю ее, и всё.

— Нет. Я хочу слышать.

Он тяжело вздохнул, нашел номер, нажал вызов. Включил громкую связь.

Гудки. Один. Второй. Третий.

— Алло? — молодой, звонкий голос. — Игорек? Ты чего звонишь? Я думала, ты забыл меня уже.

Он посмотрел на меня. Я кивнула.

— Анфиса, — сказал он жестко. — Слушай меня внимательно. Всё, что между нами было, — заканчивается. Сегодня. Сейчас. Я остаюсь с семьей. Больше мы не увидимся. Не звони мне, не пиши. Удаляй мой номер.

Пауза. Длинная, тягучая.

— Что? — голос Анфисы изменился. Стал резким, колючим. — Ты серьезно?

— Серьезно.

— Игорек, ты чего? Мы же договаривались... Я думала, у нас всё...

— Ничего у нас нет. Прощай.

Он нажал отбой.

Положил телефон на стол. Посмотрел на меня.

— Всё.

Я кивнула. Подошла к нему, взяла телефон. Разблокировала — он не сопротивлялся. Зашла в контакты, нашла Анфису. Нажала «удалить». Потом зашла в мессенджеры, удалила везде. Потом в галерею.

Там были фото. Много. Она в нижнем белье, она в ресторане, она смеется, она позирует. И он — с ней в обнимку, счастливый, расслабленный, такой, каким я его давно не видела.

Я пролистывала и чувствовала, как внутри закипает. Не боль. Не обида. Злость. Чистая, белая, обжигающая злость.

— Красивая, — сказала я спокойно. — Молодая. Двадцать два?

— Двадцать три.

— Двадцать три. — Я посмотрела на него. — И ты готов был всё это потерять? Ради двадцати трех лет и сисек?

— Даша...

— Молчи.

Я удалила все фото. Вернула телефон.

— Если я узнаю, что ты снова ей написал или встретился, — сказала я ровно, — я уйду в тот же день. Без разговоров. Без объяснений. Просто соберу вещи и уйду. Ты понял?

— Понял.

— Хорошо. Тогда завтра ищешь психолога. И чтобы в ближайшие дни у тебя была запись.

Я вышла из кухни и пошла в спальню. Легла, уставилась в потолок.

В голове крутилось только одно: она смеялась на фото. Звонко, открыто, как смеются люди, у которых всё впереди.

Интересно, сколько ей заплатили за этот смех?

Семейный психолог

Психолога Игорь нашёл за два дня.

Я не спрашивала, как искал. Просто в пятницу вечером он подошёл ко мне и сказал:

— Запись на понедельник. Нас обоих. Примет?

Я кивнула. Спросила только:

— Ты сам пойдёшь? До этого?

— Уже ходил. Вчера.

Я посмотрела на него с удивлением. Он выдержал взгляд.

— Я серьёзно, Даша. Я правда хочу всё исправить.

— Исправить нельзя, — сказала я. — Можно только попытаться построить что-то новое.

— Я согласен на новое.

Я отвернулась к окну. За стеклом моросил дождь — октябрь в этом году выдался мокрым и тоскливым. Под стать настроению.

— Посмотрим, — сказала я.

В понедельник утром я долго выбирала, что надеть. Глупо, конечно. Не свидание. Но хотелось выглядеть достойно. Не жертвой. Не брошенной женой. Просто женщиной, которая решает свои проблемы цивилизованно.

Остановилась на темно-синем свитере и джинсах. Волосы собрала в низкий пучок. Минимум косметики.

Игорь ждал в прихожей. Надел костюм — видимо, тоже готовился. Посмотрел на меня, хотел что-то сказать, но я перебила:

— Поехали. Не опаздывать же.

Кабинет психолога находился в старом московском дворике, в полуподвальном помещении с большими окнами. Внутри пахло деревом и лавандой, играла тихая музыка, на стенах висели абстрактные картины.

Елена Викторовна — женщина лет пятидесяти, с добрыми глазами и спокойным голосом — встретила нас в дверях.

— Проходите, садитесь. Кофе, чай?

Мы отказались. Сели в кресла напротив друг друга. Между нами был низкий столик с салфетками — наверное, для слез.

— Я знаю вашу историю в общих чертах, — начала Елена Викторовна, глядя на Игоря. — Вы мне рассказали на личной встрече. Но я хочу услышать Дашу. Даша, расскажите, как вы видите ситуацию.

Я посмотрела на Игоря. Он сидел, сжавшись, глядя в пол.

— А что рассказывать? — сказала я. — Муж изменил. Полгода. С молодой. Я узнала случайно — увидела сообщение на его телефоне. Сейчас пытаемся понять, есть ли что спасти.

— А вы хотите спасти?

Вопрос в лоб. Я задумалась.

— Не знаю, — ответила честно. — Я хочу понять. Понять, как это случилось. Понять, можно ли после такого вообще жить вместе. Понять, не буду ли я каждую ночь видеть его с ней.

— Вы видите?

— Каждую ночь.

Елена Викторовна кивнула, что-то записала в блокнот. Повернулась к Игорю.

— Игорь, а вы? Почему вы это сделали?

Он поднял голову. Посмотрел на меня, потом на психолога.

— Я не знаю. Честно — не знаю. Мне казалось... я чувствовал себя старым. Никому не нужным. Даша вся в работе, в сыне, в доме. А я просто... ну, функция. Деньги приносить. А она смотрела на меня как на героя.

— Она — это Анфиса?

— Да.

— И долго это продолжалось?

— Почти полгода.

— Вы любили ее?

Игорь дернулся, как от удара. Посмотрел на меня испуганно.

— Нет! Что вы? Нет. Это была просто... дурь. Самоутверждение. Я не знаю, как объяснить.

— Попробуйте.

Он замолчал. Долго молчал, глядя в одну точку на стене. Потом заговорил — тихо, с трудом подбирая слова:

— Понимаете, когда тебе сорок, ты вдруг понимаешь, что молодость прошла. Что дальше будет только хуже. Старость, болезни, смерть. И хочется ухватиться за что-то... за то, что докажет — я еще могу. Я еще ого-го. А тут появляется девочка, которой ты интересен просто так. Не за деньги, не за статус. Просто ты. И ты веришь. Веришь, что это правда.

— А это была не правда?

— Не знаю. Может, и была. Но какая разница? Я разрушил всё, что строил восемнадцать лет. Ради чего? Ради пары месяцев иллюзии?

Он закрыл лицо руками.

Елена Викторовна смотрела на него спокойно, без осуждения. Потом перевела взгляд на меня.

— Даша, что вы чувствуете сейчас, слушая его?

Я задумалась. Прислушалась к себе.

— Пустоту, — сказала я. — Не боль. Не злость. Пустоту. Как будто внутри всё выключили.

— Это защитный механизм. Так психика спасается от перегрузки. Но потом чувства вернутся. И к этому надо быть готовой.

— Я готова. Я хочу, чтобы они вернулись. Потому что в пустоте невозможно жить.

Мы проговорили почти два часа.

О том, как мы познакомились. О том, как Игорь делал предложение — глупо, смешно, в кустах сирени у ее подъезда. О том, как я рожала — тяжело, с осложнениями, и он три дня не отходил от реанимации. О том, как мы строили дачу, как копили на квартиру, как ссорились из-за мелочей и мирились в постели.

И о том, как всё это рассыпалось в один день.

В конце сеанса Елена Викторовна сказала:

— Домашнее задание. Вы сейчас живете как соседи — Игорь на диване, Даша в спальне. Так?

— Да, — кивнула я.

— Попробуйте одну вещь. Каждый вечер, перед сном, садитесь рядом на кухне и говорите друг другу по одному честному предложению. О том, что чувствуете. Без оценок, без претензий. Просто факт. Например: «Я сегодня злилась, когда ты громко включил телевизор». Или: «Я боялся, что ты не придешь ужинать». Только правду.

— Зачем? — спросил Игорь.

— Чтобы снова научиться слышать друг друга. Вы разучились. Полгода вы жили во лжи, Игорь. А вы, Даша, жили в иллюзии. Пора возвращаться в реальность.

Мы вышли на улицу. Дождь кончился, из-за туч проглядывало бледное октябрьское солнце.

В машине молчали. Я смотрела в окно, Игорь вел, изредка поглядывая на меня.

— Даш, — сказал он, когда мы остановились на светофоре, — я правда хочу попробовать. Это задание. Вечером. Поговорим?

— Хорошо.

Вечером, уложив сына, мы сели на кухне. Я налила чай. Игорь сидел напротив, крутил в руках чашку.

— Кто первый? — спросила я.

— Я, наверное. — Он глубоко вздохнул. — Сегодня на сеансе я понял одну вещь. Я боялся, что ты уйдешь. Все эти дни боялся. А сегодня, когда ты говорила... я понял, что ты уже ушла. Ты здесь, рядом, но тебя нет. И это страшнее, чем если бы ты просто собрала вещи.

Я посмотрела на него. Впервые за долгое время — не как на врага, не как на предателя, а просто как на человека.

— Ты прав, — сказала я. — Меня правда нет. Я не знаю, вернусь ли. Но я хотя бы перестала тебя ненавидеть. Это уже прогресс.

— А что ты чувствуешь?

— Я же сказала — пустоту.

— Это и есть моя очередь?

— Твоя была. Теперь моя. Я чувствую усталость. Бесконечную усталость от всего этого. От мыслей, от воспоминаний, от попыток понять, как жить дальше. Я хочу, чтобы это кончилось. Любым способом.

Он кивнул.

Мы допили чай и разошлись по комнатам.

Ночью мне снова снилась Анфиса. Она стояла в белом платье посреди поля и смеялась. А я смотрела на нее и не могла понять — она настоящая или просто мой кошмар.

Собрать осколки

Прошла неделя.

Мы исправно ходили к психологу — два раза в неделю, по понедельникам и четвергам. По вечерам садились на кухне и говорили друг другу "одно честное предложение". Иногда это были мелочи: "Меня бесит, что ты не закрываешь тюбик с зубной пастой". Иногда — серьезные вещи: "Я боюсь, что никогда больше не смогу тебе доверять".

Игорь старался. Правда старался. Приходил с работы пораньше, помогал по дому, даже пытался шутить. Я смотрела на его старания и чувствовала... ничего. Пустота потихоньку отступала, но на ее место приходило не тепло, а серая, унылая обыденность.

Сын, кажется, успокоился. Видя, что мы не ссоримся, он перестал задавать вопросы и с головой ушел в школу и компьютерные игры.

В субботу утром я собиралась на встречу с подругой.

— К Катьке? — спросил Игорь, когда я красилась перед зеркалом в прихожей.

— К ней.

— Передавай привет.

Я кивнула. Мы уже дошли до той стадии, когда можно было обмениваться дежурными фразами, не чувствуя при этом острой ненависти.

Катька жила в соседнем районе, в старой панельной девятиэтажке, которую обещали снести лет десять назад, но так и не снесли. Мы дружили с института — вместе учились на дизайнеров, вместе переживали первые романы, вместе плакали, когда у нее случился выкидыш, а у меня — ссора с Игорем.

Она встретила меня в пижаме и растоптанных тапках.

— Проходи, — сказала она, зевая. — Кофе будешь? Я только встала.

— В одиннадцать-то?

— А что? Суббота.

Мы прошли на кухню. Катька налила кофе, достала печенье, села напротив и уставилась на меня своими огромными глазами.

— Ну рассказывай. Как оно?

Я молчала минуту, собираясь с мыслями. Потом выдохнула:

— Ходим к психологу.

— И?

— И ничего. Он старается. Я стараюсь. А внутри — шаровая пустота.

Катька вздохнула, отхлебнула кофе.

— Слушай, я тебе, наверное, сейчас скажу страшную вещь. Но ты подумай.

— Говори.

— Ты уверена, что хочешь это спасти?

Я посмотрела на нее. Катька была единственным человеком, который мог задать мне такой вопрос в лоб. Без осуждения, без советов — просто потому, что она правда хотела понять.

— Не знаю, — ответила я честно. — Иногда кажется — да, конечно, восемнадцать лет, семья, сын. А иногда думаю — а ради чего? Ради того, чтобы до конца жизни помнить, как он с ней трахался?

— Он тебе сказал, что порвал?

— Сказал. При мне звонил.

— И ты поверила?

Я задумалась. Поверила ли? В тот момент, когда он нажимал кнопку вызова, когда говорил эти слова — поверила. Потому что слишком театрально для лжи. Но сейчас...

— Не знаю, Кать. Я вообще перестала что-то понимать. Он может врать. Я могу не верить. Мы можем сойти с ума оба.

Катька помолчала, потом встала, подошла к окну, закурила — она курила, только когда нервничала, хотя бросала сто раз.

— Думаешь, она отстанет? — спросила она, не оборачиваясь.

— Кто?

— Анфиса эта.

Я дернулась, как от удара.

— А почему она должна не отстать?

Катька повернулась, посмотрела на меня долгим взглядом.

— Даш, ты наивная или прикидываешься? Такие бабы просто так не отстают. Им нужен не он. Им нужно то, что он может дать. Деньги, статус, подарки. Если она поняла, что лошадка уходит, она может начать брыкаться.

— Ты думаешь?

— Я знаю. У меня подруга такая была. Вцепилась в мужика — чуть семью не развалила. Не потому что любила, а потому что квартира, машина, рестораны. Когда он попытался уйти — она такое устроила...

Катька махнула рукой и затаилась.

Я смотрела на нее и чувствовала, как внутри поднимается холодная волна.

А ведь правда.

Я же видела те сообщения. *"Ты обещал", "Купи себе что-нибудь, я переведу деньги"*. Она не просто так с ним была. Она была за деньги. За подарки. За красивую жизнь.

И если она это потеряет...

— Кать, — сказала я тихо, — а что, если она не отстанет?

— Тогда будет война. Ты к этому готова?

Я не ответила.

Домой я вернулась около пяти.

Игорь сидел на кухне с ноутбуком, пил чай. Увидел меня — улыбнулся. Осторожно, виновато, как улыбаются провинившиеся псы.

— Ну как Катька?

— Нормально. Передавала привет.

— Класс. А мы с Пашкой пиццу заказали. Тебе оставили.

— Спасибо.

Я прошла в комнату, переоделась, вернулась на кухню. Села напротив него. Смотрела, как он печатает, как хмурится, глядя в экран. Такой родной. Такой чужой.

— Игорь, — сказала я.

— А?

— Расскажи мне про нее.

Он замер. Руки застыли над клавиатурой.

— Зачем?

— Хочу знать. Всё. Как вы познакомились, где встречались, о чем говорили. Я хочу знать врага в лицо.

Он побледнел.

— Даша, зачем тебе это? Это было... это было дерьмово. Я не хочу об этом вспоминать.

— А я хочу. Потому что я устала додумывать. Устала представлять картинки. Лучше я узнаю правду. Какой бы она ни была.

Он долго молчал. Потом закрыл ноутбук, отодвинул его в сторону.

— Ты уверена?

— Да.

Он вздохнул, потер лицо руками.

— Мы познакомились на презентации. В марте. Она пришла с подругой, какая-то тусовка, я даже не помню, по какому поводу. Она подошла ко мне, сказала, что ей нравится мой пиджак. Глупо, да?

— Глупо.

— Потом она написала в мессенджер — визитку взяла на стойке регистрации. Сказала, что хочет проконсультироваться по работе. Я повелся. Назначил встречу в кафе. Она пришла... ну, ты видела фото. Красивая. Молодая. Смотрела на меня так, будто я бог.

— И ты растаял.

— Я растаял. Дурак.

— Где вы встречались?

Он замялся.

— В разных местах. Сначала кафе, рестораны. Потом... у нее квартира. Съёмная.

— Ты платил за квартиру?

— Да.

— И за рестораны?

— Да.

— И подарки покупал?

Молчание.

— Я хочу знать, Игорь. Сколько?

— Не помню. Честно, не помню. Тратил, да. Наверное, много.

Я кивнула. Внутри было противно, гадко, но я заставила себя продолжать.

— Ты говорил ей, что любишь?

— Нет. Никогда.

— А она тебе?

— Говорила.

— И ты верил?

Он поднял на меня глаза. В них было столько боли, что я на секунду почти пожалела его.

— Верил, — сказал он тихо. — Потому что хотел верить. Потому что в сорок лет так хочется, чтобы кто-то молодой и красивый тебя любил просто так.

— А оказалось — не просто так?

— Оказалось — не просто так. После того разговора по телефону, при тебе, она мне написала. В другой мессенджер, я забыл, что там тоже был. Написала: «Ты думал, я с тобой, старым, за просто так? Рассчитывайся, папочка, или я всё расскажу жене».

Я замерла.

— Что?

— Да. Я удалил и заблокировал. Но она написала. Поэтому, когда ты спросила, поверил ли я... нет. Я не поверил. Но продолжал, потому что... потому что дурак. Потому что боялся, что она правда расскажет тебе.

— И ты решил, что лучше я узнаю сам? Или случайно?

— Я не знаю, Даша. Я вообще ничего не знал. Я просто плыл по течению.

Я смотрела на него и думала: господи, какой же ты жалкий. Какой слабый. Какой испуганный.

И вдруг почувствовала... не жалость. Что-то другое. Может быть, начало понимания. Что он не злодей. Не монстр. Просто напуганный мужик, который в сорок лет вдруг понял, что смертен, и решил доказать себе, что еще живой.

Глупо. По-детски глупо.

Но не смертельно.

— Ладно, — сказала я. — Спасибо за честность.

— Ты не злишься?

— Злюсь. Но уже не так, как раньше. Я хотя бы понимаю, с чем имею дело.

Он протянул руку через стол, хотел дотронуться до моей ладони. Я не отдернула. Но и не ответила. Просто сидела и смотрела, как его пальцы лежат на моей руке.

Теплые. Живые. Чужие.

— Игорь, — сказала я, — нам придется пройти через многое. Через ее возможные звонки, письма, угрозы. Через мое недоверие. Через твою вину. Ты готов?

— Да.

— Тогда пошли ужинать. Пашка там один сидит, наверное.

Мы встали и пошли в комнату к сыну. Обычные люди с обычными проблемами.

Никто бы не догадался, что всего месяц назад моя жизнь рассыпалась в прах. И что я до сих пор собираю осколки, порезанные руки, и пытаюсь сложить из них что-то, похожее на счастье.

Явилась - не запылилась

Прошло еще две недели.

Жизнь вошла в странную колею: утром я просыпалась, готовила завтрак, провожала сына, работала, вечером ужинала с Игорем и Пашкой, потом мы с Игорем сидели на кухне и разговаривали. Психолог говорила, что это прогресс. Что мы учимся заново выстраивать диалог.

Я старалась в это верить.

Игорь действительно менялся. Он стал внимательнее, мягче, чаще спрашивал, как у меня дела, помогал по дому без напоминаний. Иногда я ловила себя на мысли, что снова начинаю его замечать — как он смеется, как двигается, как пахнет после душа.

И каждый раз после этой мысли меня тошнило от самой себя.

Как можно хотеть человека, который тебя предал? Как можно снова учиться дышать с ним одним воздухом, зная, что этими же руками он обнимал другую?

Я не находила ответа.

В четверг мы должны были идти к психологу. Я вернулась с встречи с заказчиком пораньше, около трех, и собиралась немного отдохнуть перед сеансом.

В дверь позвонили.

Я открыла, не глядя в глазок — ждала посылку с образцами тканей.

На пороге стояла она.

Я узнала ее сразу. С фото в телефоне Игоря, которые я удалила, но которые навсегда врезались в память. Длинные светлые волосы, огромные голубые глаза, пухлые губы, идеальная фигура в обтягивающем платье.

Анфиса.

— Здравствуйте, — сказала она звонким, молодым голосом. — Вы Даша, да? Я Анфиса. Нам надо поговорить.

Я смотрела на нее и чувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Вам чего? — спросила я. Голос прозвучал глухо, будто не мой.

— Я же сказала — поговорить. Впустите?

Я шагнула назад, пропуская ее в прихожую. Сама не знаю, зачем. Наверное, от шока. От неожиданности. От того, что Катькины слова оказались пророческими.

Она вошла, огляделась. Прихожая, зеркало, вешалка с куртками — все это она рассматривала с любопытством, будто в музее.

— Уютно у вас, — сказала она. — Прямо чувствуется рука хозяйки. Игорек говорил, вы дизайнер?

— Чего вам надо?

Она повернулась ко мне. Улыбнулась — красиво, натренированно, как улыбаются модели на обложках.

— Я пришла поговорить об Игоре. О нас.

— О вас? — я услышала, как мой голос дрогнул, и разозлилась на себя. — Нет никаких «вас». Он с вами порвал. При мне. И я удалила ваш номер из его телефона.

— Ой, Даша, — она закатила глаза. — Ну вы же взрослая женщина. Неужели вы правда думаете, что мужика можно удержать удалением номера? Он мне сам позвонил через два дня. Сказал, что скучает.

Внутри что-то оборвалось.

— Врете.

— Хотите доказательства?

Она достала телефон, покрутила в руках, потом убрала обратно в сумочку.

— А впрочем, не надо. Вы мне и так не поверите. Я пришла не ссориться. Я пришла поговорить по-человечески.

— По-человечески?

— Ну да. Давайте сядем, выпьем чаю, обсудим ситуацию. Я не враг вам. Честно.

Я смотрела на нее и не верила своим глазам. Эта девочка, которая трахала моего мужа полгода, стояла в моей прихожей и предлагала выпить чаю. Как подруга. Как гостья.

— Проходите на кухню, — сказала я, сама не понимая, зачем это делаю.

Мы сели за тот самый стол, где мы с Игорем каждую ночь говорили друг другу «одно честное предложение». Я поставила чайник, достала чашки. Руки дрожали, но я старалась не подавать вида.

Анфиса сидела, забросив ногу на ногу, и рассматривала кухню.

— Хорошо у вас, — повторила она. — Дорого. Я люблю такие интерьеры. Игорек говорил, вы сами делали?

— Что вам надо? — повторила я, садясь напротив.

Она вздохнула, отхлебнула чай, поморщилась — видимо, слишком горячо.

— Даша, давайте сразу к делу. Я не дура. И вы не дура. Я знаю, что вы обо мне думаете, и вы правы. Я была с вашим мужем не из-за любви.

Я молчала.

— Мне нужны были деньги. Ну, вы понимаете — молодая девушка в Москве, снять квартиру, одеваться, тусоваться. Это всё стоит денег. А Игорек — мужик щедрый. Он мне помогал. Я не скрываю.

— И зачем вы пришли?

— Затем, что он перестал помогать. Сказал, что всё кончено, что будет спасать семью. Я понимаю — его выбор. Но у меня проблемы. Квартплата, кредиты... В общем, мне нужно, чтобы он выполнил свои обещания.

— Какие обещания?

— Он обещал помочь с квартирой. Говорил, что купит мне студию, чтобы я не мыкалась по съемным. Я поверила. Дура, да? Поверила мужику на слово.

Она усмехнулась горько.

— А теперь он говорит — всё, извини, я семью выбираю. А я остаюсь с разбитым корытом. Вы понимаете? Я не прошу невозможного. Я прошу, чтобы он помог мне закрыть долги и я исчезну. Навсегда.

Я смотрела на нее и чувствовала, как внутри закипает. Не ревность. Не обида. Злость. Чистая, белая, обжигающая злость на эту куклу, которая пришла в мой дом и рассказывает мне про свои кредиты.

— Вы понимаете, — сказала я медленно, — что вы сейчас просите меня уговорить мужа заплатить вам за то, что вы с ним спали?

Чем она лучше?

Она дернулась.

— Я не прошу уговаривать. Я прошу не мешать. Он сам захочет помочь, если вы не будете давить.

— С чего вы взяли?

— Потому что он меня любил. Ну, не любил, но хотел. А мужики хотят помогать тем, кого хотят. Это психология.

Я чуть не рассмеялась. Эта девица, двадцати трех лет от роду, учила меня психологии отношений.

— Анфиса, послушайте меня внимательно, — сказала я. — Я не буду ничего ему передавать. Я не буду вас сводить. Если вам что-то нужно — звоните ему сами. Пишите. Встречайтесь. Но в моем доме, за моим столом, вы больше не появитесь.

Она посмотрела на меня с удивлением.

— Вы серьезно? А если я ему позвоню? Если я скажу, что была у вас? Что мы пили чай и договаривались?

— Договаривались о чем?

— Ну, например, что я вас шантажирую.

Я смотрела на нее и понимала — Катька была права. Это не просто корыстная дурочка. Это хищница. Маленькая, молодая, но уже хитрая и опасная.

— Вы знаете, — сказала я спокойно, — а ведь я могу записать этот разговор. И показать Игорю. И полиции, если понадобится. Шантаж — это статья.

Она побледнела.

— Вы не посмеете.

— Хотите проверить?

Мы смотрели друг на друга через стол. Тикали часы. За окном стемнело. В этой тишине было слышно, как бьется мое сердце — бешено, испуганно, но я не показывала вида.

— Уходите, — сказала я. — Прямо сейчас.

Она встала. Напоследок обернулась у дверей.

— Дура вы, Даша. Он все равно ко мне вернется. Такие, как вы, надоедают. А такие, как я, — нет. Потому что мы даем то, чего вы уже не можете.

— Что именно?

— Молодость.

Она вышла, хлопнув дверью.

Я стояла в прихожей, смотрела на закрытую дверь и дрожала. Мелко, противно, как в лихорадке.

Через час пришел Игорь.

Я сидела на кухне, пила уже пятый чай и смотрела в одну точку.

— Даша? — он замер на пороге. — Ты чего? Что случилось?

— Она приходила.

— Кто?

— Анфиса.

Он побелел.

— Что? Зачем? Что она говорила?

Я посмотрела на него долгим взглядом. В голове крутился только один вопрос: позвонил ли он ей на самом деле? Сказал ли, что скучает? Или она соврала, чтобы разбить нам остатки отношений?

— Игорь, — сказала я тихо. — Сядь.

Он сел.

— Скажи мне честно. Ты звонил ей после того разговора?

— Нет. Клянусь.

— Она сказала, что звонил. Что говорил, что скучаешь.

— Она врет. Даша, она врет. Я даже номер ее удалил. Я не знаю, как она меня нашла, но я не звонил. Ни разу.

Я смотрела в его глаза. В них был страх. И правда? Или ложь? Я уже не понимала ничего.

— Хорошо, — сказала я. — Допустим, не звонил. Она пришла просить деньги. Сказала, что ты обещал ей квартиру и теперь она хочет компенсацию.

Игорь закрыл лицо руками.

— Господи...

— Ты обещал ей квартиру?

— Я... я говорил, что помогу. В общих чертах. Не квартиру, нет. Просто говорил, что если что — не оставлю. Это же болтовня была, Даша. Треп. Я не собирался ничего покупать.

— А она собралась.

Мы молчали. Долго. Потом Игорь поднял на меня глаза.

— Что делать?

Я смотрела на него и вдруг поняла одну простую вещь. Эта история не закончится быстро. Она будет тянуться месяцами. Может, годами. Звонки, угрозы, попытки шантажа. И каждый раз, когда будет звонить телефон, я буду замирать в ужасе.

— Я не знаю, — ответила я честно. — Но одно я знаю точно.

— Что?

— Если ты ей хоть копейку дашь — я уйду. Потому что это будет означать, что ты до сих пор в этом участвуешь. Что ты чувствуешь себя должным. Что между вами еще есть связь.

— Я не дам.

— Посмотрим.

Я встала и пошла в спальню.

В эту ночь мы снова не разговаривали. Игорь остался на кухне, я лежала в темноте и смотрела в потолок.

В голове крутилось только одно: она молодая. Ей двадцать три. У нее вся жизнь впереди. А мне сорок.

Что я могу ей противопоставить?

Сын прав?

Неделя после визита Анфисы прошла как в тумане.

Я почти не спала. Лежала ночами, смотрела в потолок и слушала, как тикают часы в гостиной. Игорь тоже не спал — я слышала, как он ворочается на диване, как ходит на кухню пить воду, как долго стоит под душем по утрам.

Мы почти не разговаривали.

Не потому, что ссорились. Просто говорить было не о чем. Всё, что можно было сказать, уже сказали. Осталось только ждать — чего? Я не знала.

Сын чувствовал напряжение. Однажды вечером, когда Игорь задержался на работе, он зашел ко мне в спальню.

— Мам, можно?

Я отложила ноутбук.

— Конечно. Что случилось?

Он сел на край кровати, тербил в руках наушники. Смотрел в пол.

— Мам, вы с папой разводитесь?

Сердце упало куда-то в живот.

— С чего ты взял?

— Я не дурак. Я вижу. Он на диване спит. Вы не разговариваете. Ты глаза красные по утрам. Что случилось?

Я смотрела на него и понимала: врать дальше нельзя. Он уже большой. Он всё видит. И если я сейчас совру, он никогда мне не простит.

— Папа сделал ошибку, — сказала я тихо. — Большую. Мы пытаемся понять, можем ли мы это пережить.

— Он что, пил?

— Нет. Другая женщина.

Сын дернулся, будто я ударила. Поднял на меня глаза — в них было столько боли, что у меня сжалось сердце.

— Он что... изменил?

— Да.

— С кем?

— Неважно. Это не имеет значения.

— Имеет! — он вскочил. — Он что, совсем идиот? У него же семья! Я! Ты! Как он мог?

— Паш, сядь. Пожалуйста.

Он сел. Смотрел в стену. По щеке потекла слеза — он отвернулся, чтобы я не видела.

— Ты уйдешь от него?

— Не знаю. Честно — не знаю. Мы ходим к психологу. Стараемся понять.

— А чего тут понимать? Он козел. Прости, мам, но это правда.

— Паш, люди делают ошибки. Иногда очень глупые. Это не значит, что они плохие навсегда.

— А если бы ты сделала такую ошибку? Он бы простил?

Я задумалась. Хороший вопрос. Простой и страшный.

— Не знаю, — ответила я. — Наверное, нет.

— Тогда зачем ты прощаешь?

Я посмотрела на сына. На его взрослое, вдруг повзрослевшее лицо. На глаза, в которых больше не было детской наивности.

— Потому что я любила его восемнадцать лет, — сказала я. — Потому что вы — моя семья. Потому что иногда любовь — это не только радость, но и работа. Тяжелая работа.

Он молчал. Потом встал.

— Я пойду. Спокойной ночи.

— Паш...

— Что?

— Ты простишь его когда-нибудь?

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Не знаю. Наверное, нет.

И вышел.

Я осталась одна. Смотрела на закрытую дверь и думала: вот оно. Еще одна жертва этой истории. Мой сын, который только что потерял веру в отца. И не факт, что обретет ее снова.

На следующий день был сеанс у психолога.

Елена Викторовна выслушала нас, кивала, что-то записывала. А потом сказала:

— Знаете, я вижу прогресс. Вы научились говорить друг с другом. Вы честны. Игорь, вы делаете большую работу над собой. Даша, вы даете шанс, хотя внутри, я знаю, вам очень больно. Но есть одно "но".

— Какое? — спросила я.

— Вы не решили главного вопроса. Вы не ответили себе: хотите ли вы сохранить этот брак? Не ради сына, не ради прошлого, не ради страха одиночества. А ради себя. Потому что вы хотите быть с этим человеком.

Я молчала.

— Даша, — продолжала она, — представьте, что завтра всё это закончится. Анфиса исчезнет. Игорь будет идеальным мужем. Вы сможете забыть то, что было?

— Нет, — ответила я честно. — Не смогу.

— Значит, вам придется научиться жить с этим. Принять это как часть вашей истории. Как шрам. Он не исчезнет, но перестанет болеть. Вы готовы к этому?

Я посмотрела на Игоря. Он сидел, сжавшись, и ждал моего ответа.

— Я не знаю, — сказала я. — Иногда мне кажется — да. Иногда я просыпаюсь ночью и думаю: как он мог? И тогда все мои «да» рассыпаются в прах.

— Это нормально. Так будет долго. Годы, возможно. Вопрос в том, готовы ли вы проходить этот путь вместе.

Мы вышли от психолога и долго сидели в машине. Молча. Игорь не заводил мотор. Просто смотрел на лобовое стекло, на котором таяли редкие снежинки — выпал первый снег.

— Даш, — сказал он наконец, — я понимаю, если ты уйдешь. Правда. Ты имеешь право.

— Я знаю.

— Но я хочу, чтобы ты знала: я буду бороться. За тебя. За нас. За Пашку. Я сделаю всё, что смогу. Даже если ты уйдешь — я буду стараться вернуть. Столько, сколько понадобится.

— А если я не захочу возвращаться?

— Тогда буду просто ждать. Потому что другого выхода у меня нет. Я люблю тебя. Только тебя. И понял это, только когда чуть не потерял.

Я смотрела на него. На его профиль, на седину в висках, на руки, сжимающие руль. И вдруг почувствовала что-то, чего не чувствовала давно. Не любовь — любовь никуда не уходила, она просто спряталась глубоко внутри. Не жалость. А что-то похожее на надежду.

— Поехали домой, — сказала я. — Холодно.

Он кивнул и завел мотор.

Дома нас ждал сюрприз.

На полу в прихожей лежал конверт. Без марки, без обратного адреса. Просто белый конверт, на котором от руки было написано: "Даше".

Я вскрыла его дрожащими пальцами.

Внутри была фотография. Игорь и Анфиса. В постели. Он спит, она смотрит в камеру и улыбается. И записка: "Вы знаете, где я живу. Если не хотите, чтобы такие фото увидел ваш сын и ваши друзья, переведите двести тысяч на этот счет. Срок — неделя".

Дальше шел номер карты.

Я смотрела на фото, и мир вокруг перестал существовать.

— Что там? — Игорь подошел ближе. Увидел фотографию — и побледнел так, что я испугалась, что ему станет плохо.

— Это... это когда? — прошептал он.

— Какая разница? — я смотрела на него. — Ты спал с ней. Ты позволял себя фотографировать. А теперь это пришло в мой дом.

— Даша, я не знал. Клянусь, я не знал, что она снимает.

— Это что-то меняет?

Он молчал. Потом вдруг выхватил у меня фото и разорвал в клочья.

— Я пойду в полицию, — сказал он. — Это шантаж. Статья.

— И что ты скажешь? Что любовница шантажирует вас с женой голыми фото? Ты представляешь, какой это будет скандал? Пашка узнает. Все узнают.

— А что ты предлагаешь? Заплатить?

Я смотрела на него долгим взглядом. В голове было пусто и чисто, как в первый день после его измены.

— Я предлагаю тебе решить это самому, — сказала я. — Это твоя проблема. Ты ее создал. Ты и решаешь.

— Даша...

— Нет. Я устала. Я устала спасать то, что ты разрушил. Я устала ходить к психологу и думать, смогу ли я когда-нибудь к тебе прикоснуться. Я устала бояться каждого звонка и каждого конверта. Решай сам.

Я ушла в спальню и закрыла дверь.

Через час Игорь постучал.

— Даша, можно?

— Открыто.

Он вошел. Лицо у него было спокойное. Решительное.

— Я позвонил адвокату. Завтра идем писать заявление. Это шантаж. Это уголовное дело. Я не дам ей ни копейки. Пусть публикует что хочет. Я всё расскажу Пашке сам. И друзьям. И на работе. Пусть знают, какой я мудака. Но шантажировать себя не позволю.

Я смотрела на него и вдруг поняла: он вырос. За эти месяцы. Из испуганного мальчика, который боялся потерять молодую любовницу, он превратился в мужчину, готового отвечать за свои поступки.

— Хорошо, — сказала я. — Я с тобой.

Он подошел, сел рядом. Взял мою руку.

— Даш, я знаю, что не заслуживаю. Но спасибо, что ты есть.

Я не ответила. Просто сжала его пальцы.

За окном падал снег. Первый настоящий снег в этом году. Белый, чистый, он закрывал собой грязь, лужи, серый асфальт.

Может, и нам когда-нибудь удастся начать всё заново. С чистого листа.

Увидимся еще?

(Игорь)

Я сидел в машине уже полчаса.

Двор старый, запущенный, с облупленными скамейками и кучей машин вперемишку — дорогие внедорожники соседствуют с убитыми "Жигулями". Ее дом — обычная панельная девятиэтажка, каких в Москве тысячи. Серый, невзрачный, с обшарпанным подъездом и вечно сломанным домофоном.

Я смотрел на подъезд и думал: как я здесь оказался?

В голове крутились слова Даши: «Решай сам». Она сказала это спокойно, без истерики, без давления. Просто поставила перед фактом: это твоя проблема, ты ее создал, ты и расхлебывай.

Я выбрал полицию.

Мы сходили к адвокату, написали заявление, приложили фото и записку. Адвокат сказал, что дело верняковое — шантаж, статья 163 УК РФ, до четырех лет реально. Но процесс может затянуться. И пока он идет, фотографии могут всплыть где угодно.

Я представил, как Пашка видит это фото. Как коллеги пересылают друг другу. Как мама звонит и спрашивает, правда ли это.

И решил: попробую еще один способ.

Мирный.

Я набрал ее номер — новый, потому что старый я удалил, но она снова написала в мессенджер с другого. Она ответила сразу, будто ждала.

— Игорек? — голос молодой, звонкий, как тогда, в начале. — Ты решил?

— Надо поговорить. Лично.

— Ой, лично? — она засмеялась. — А ты не боишься?

— Боюсь. Но приеду.

— Жду. Квартира та же, помнишь?

Я помнил. Конечно, помнил. Каждую минуту, проведенную здесь, каждую ее улыбку, каждый ее вздох.

Черт.

Я выключил двигатель, вышел из машины и пошел к подъезду.

Лифт не работал — как всегда. Я поднялся пешком на седьмой этаж, тяжело дыша — сорок лет, гиподинамия, стресс. Остановился перед дверью. Нажал звонок.

Она открыла почти сразу.

Анфиса стояла на пороге в коротком шелковом халатике, распахнутом так, что видно было кружево белья. Волосы распущены, пахнет духами — теми самыми, сладкими, приторными, которые я потом чувствовал на своем пальто.

— Заходи, — улыбнулась она. — Я ждала.

Я вошел.

Квартира маленькая, съемная, с дешевой мебелью и обоями в цветочек, которые, наверное, помнят еще девяностые. Но она умудрялась делать здесь уютно — свечи, пледы, подушки. Женская магия.

— Проходи на кухню, — сказала она. — Чай будешь? Или покрепче?

— Чай.

Я сел за маленький столик у окна. Она включила чайник, двигалась грациозно, как кошка. Халатик разъезжался, открывая то длинную ногу, то плечо. Я смотрел в стол.

— Ну, рассказывай, — она села напротив, поджав под себя ноги. — Зачем приехал?

— Поговорить. По-человечески.

— О чем?

— О том, что ты делаешь. Шантаж — это статья, Анфиса. Ты понимаешь?

Она засмеялась.

— Игорек, ты такой смешной. Какая статья? Я просто попросила помощи. По-соседски.

А ты сразу — шантаж.

— Ты прислала фото. В постели. С угрозой отправить сыну.

— Ну извини, — она надула губы. — Других способов до тебя достучаться не было. Ты же исчез, номер удалил, в соцсетях заблокировал. Как мне с тобой связаться?

— А зачем тебе со мной связываться? Мы всё решили.

— Ты решил. А я нет. Ты мне обещал помочь. Квартиру обещал. А теперь — до свидания, я семью спасаю. А я? Я что, дура?

— Я не обещал квартиру. Я говорил, что помогу.

— Какая разница? — она отмахнулась. — Ты мне нужен был. А теперь ты меня бросаешь. Это нечестно.

Я смотрел на нее и видел — она действительно верит в то, что говорит. Для нее мир устроен просто: мужик должен платить, если получает удовольствие. А если не платит — он жлоб и предатель.

— Анфиса, — сказал я устало, — я пришел предложить тебе сделку. Я заплачу тебе сумму, которую мы обсудим. Ты отдашь мне все фото и видео, которые у тебя есть. И мы расстанемся навсегда. Ты исчезаешь из моей жизни. Идет?

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Потом улыбнулась — медленно, хищно.

— А сколько?

— Пятьдесят тысяч.

Она фыркнула.

— Игорек, ты серьезно? Я за полгода больше получила. Ты мне только на рестораны потратил тысяч триста. Не считая подарков.

— Сто.

— Двести. Как в письме. И мы расстанемся друзьями.

— Друзьями не расстанемся. Но двести дам. При одном условии.

— Каким?

— Ты отдаешь всё. Все фото, все видео, все переписки. И мы подписываем бумагу, что претензий не имеешь.

Она задумалась. Встала, подошла к окну. Халатик распахнулся совсем — я отвернулся.

— А знаешь, — сказала она вдруг, — а ведь я по тебе скучала. Правда.

— Анфиса...

— Нет, ты послушай. Мне с тобой хорошо было. Ты старше, опытнее, с тобой можно поговорить, ты не какой-нибудь дебил двадцатилетний, которому только секс нужен. Ты человек. Я правда думала... ну, не знаю... может, у нас бы что-то получилось.

Она подошла ближе. Села на подлокотник моего кресла, положила руку мне на плечо.

— Игорек, а может, не надо расставаться? Может, договоримся? Я не буду лезть в твою семью. Честно. Встречаемся, когда ты захочешь. Я ни на что не претендую. Только помогай мне немного. Как раньше.

Я чувствовал ее запах, тепло ее тела, видел край халатика, открывающий гладкую кожу. Внутри что-то дрогнуло — старое, знакомое, то самое, что привело меня сюда полгода назад.

— Не надо, — сказал я хрипло.

— Чего не надо? — она наклонилась, шепнула в ухо. — Ты же хочешь. Я вижу.

Ее рука скользнула по моей груди, по животу, ниже.

Я закрыл глаза.

Даша. Пашка. Психолог. Наши разговоры на кухне. Ее глаза, когда она узнала про измену. Ее голос: "Если ты ей хоть копейку дашь — я уйду".

И рядом — тепло, молодость, запах духов, обещание быстрого, легкого, ни к чему не обязывающего удовольствия.

— Игорек, — шептала она, — ну расслабься. Забудь обо всем. Я же знаю, как тебе хорошо со мной. Помнишь?

Я помнил.

Каждую минуту помнил.

И именно поэтому открыл глаза и отодвинулся.

— Не надо, — сказал я тверже. — Всё кончено. Давай просто договоримся о деньгах, и я уйду.

Она отпрянула. В глазах вспыхнула злость.

— Ты серьезно? Выбираешь эту старую корову?

Я встал.

— Не смей так про нее.

— А что? Правда глаза режет? Она старше меня на двадцать лет почти. Что ты в ней нашел? Привычку? Чувство долга? Игорек, опомнись! У тебя еще жизнь есть! А ты хочешь досидеть с ней до старости и сдохнуть от скуки?

— Ты не понимаешь.

— Чего я не понимаю? Я понимаю, что ты меня хочешь. Я же вижу. А она тебе уже сто лет не дает, наверное. Устала, болит голова, дела...

— Замолчи.

— А то что? Ударить? Ну давай, ударь. Я потом такое заявление напишу...

Она стояла передо мной, разъяренная, красивая, опасная. Халатик распахнулся окончательно, но сейчас это не возбуждало. Пугало.

— Двести тысяч, — сказал я. — Завтра. Ты приносишь всё, что у тебя есть. Мы подписываем бумагу. И ты исчезаешь.

— А если я не согласна?

— Тогда полиция. У меня есть заявление. Есть адвокат. Есть твоя записка. Ты сидешь. Она смотрела на меня долго. Потом вдруг улыбнулась — спокойно, почти ласково.

— Ладно, Игорек. Будь по-твоему. Завтра в пять. Приходи, заберешь.

— Я пришлю курьера.

— Боишься?

— Боюсь. Тебя.

Я вышел в коридор, накинул куртку. У двери обернулся.

— Прощай, Анфиса. Больше никогда не звони.

Она стояла в проеме кухни, кутаясь в халат. Маленькая, красивая, злая.

— Увидимся еще, — сказала она тихо. — Обязательно увидимся.

Я вышел в подъезд и побежал вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Вылетел на улицу, вдохнул морозный воздух полной грудью.

В машине сидел и не мог завести мотор — руки тряслись.

Я справился. Я не поддался. Я выбрал Дашу.

Но проклятое эхо ее голоса, ее запаха, ее тела — оно осталось. И я не знал, пройдет ли оно когда-нибудь.

Дома меня ждал ужин.

Даша накрыла на стол, Пашка сидел с телефоном, пахло жареной картошкой. Обычный вечер. Моя семья.

— Ну как? — спросила Даша, глядя на меня.

— Договорились. Завтра она отдаст фото за двести. Я пошлю курьера.

Даша кивнула. Ни тени упрёка, ни вопроса, что я делал у нее. Просто кивнула.

— Садись есть, — сказала она.

Я сел. Смотрел, как она накладывает картошку, как поправляет волосы, как улыбается сыну. И думал: господи, что же я чуть не потерял.

Ради чего?

Ради пяти минут слабости?

— Ты чего не ешь? — спросила Даша.

— Ем, — я взял вилку. — Спасибо.

Ночью я долго не мог уснуть. Лежал на диване, смотрел в потолок и думал о том, что завтра всё закончится. Деньги, фото, расписка — и она исчезнет.

Но почему тогда так ноет под ложечкой?

Почему в голове ее голос: "Увидимся еще"?

Я прогнал эти мысли. Заставил себя думать о Даше, о Пашке, о нашей будущей жизни. О том, что мы снова сможем быть счастливы. Когда-нибудь.

Засыпая, я вдруг поймал себя на том, что улыбаюсь.

Я справился.

Я не поддался.

Значит, есть надежда.

Наступил на грабли

Мне всю ночь снилась Анфиса.

Это был не сон даже — наваждение. Я снова был в той квартире, чувствовал запах ее духов, видел край халатика, слышал шепот: «Игорек, ты же хочешь...» Я просыпался в холодном поту, смотрел на часы — три ночи, четыре, пять — и снова проваливался в тот же липкий, сладкий кошмар.

Утром встал разбитый, с тяжелой головой.

Даша уже возилась на кухне. Когда я вышел, она поставила передо мной тарелку с яичницей и посмотрела внимательно:

— Плохо спал?

— Да так, — я отмахнулся. — Мысли всякие.

Она кивнула. Не стала расспрашивать. За эти месяцы мы научились не лезть друг другу в душу без спроса.

— Сегодня поедешь к ней? — спросила она спокойно.

— Курьера pošлю. Деньги переведу, когда фото получу.

— Хорошо.

Она села напротив, пила кофе и смотрела в окно. За ночь выпал снег — первый настоящий, пушистый, он лежал на карнизах и ветках, делая мир чище и светлее.

— Даш, — сказал я вдруг, — а если бы я не устоял? Если бы... ну, там, когда поехал к ней?

Она перевела на меня взгляд. Долгий, изучающий.

— Ты про что?

— Просто спрашиваю. Гипотетически.

— Гипотетически, — она усмехнулась. — Гипотетически я бы не узнала. А если бы узнала — ушла бы. Навсегда.

— Даже после всего? После психолога, после наших разговоров?

— Игорь, послушай меня. — Она отставила чашку. — Я дала тебе один шанс. Один. Не потому что я добрая или слабая. Потому что восемнадцать лет. Потому что Пашка. Потому что надеялась, что ты правда понял.

— Я понял.

— Надеюсь.

Она встала, убрала посуду и ушла в комнату собираться на работу.

Я сидел за столом и смотрел на снег за окном. В голове крутилось: «Один шанс». Всего один.

В десять утра позвонила Анфиса.

— Игорек, привет. Ты сегодня приедешь?

— Курьер приедет. Готовь фото.

— Ой, курьер... — она засмеялась. — А я думала, ты сам. Хотела попрощаться нормально. По-человечески.

— Нам не о чем разговаривать.

— А я думаю, есть. Я тут подумала... может, мы не так расстались. Я наговорила глупостей. Извини.

Я молчал.

— Игорек, я правда хочу просто попрощаться. По-хорошему. Ты приезжай, я отдам тебе всё, обнимемся на прощание и разойдемся. Без обид. Идет?

— Зачем тебе это?

— Затем, что ты мне правда дорог. Как человек. Несмотря ни на что. Я понимаю, что ты выбрал семью. Я уважаю это. Просто... дай мне сказать тебе это в глаза.

Голос у нее был другой — не тот, вчерашний, злой и хищный. Тихий, грустный, почти искренний.

— Игорек? Ты здесь?

— Здесь.

— Приедешь?

Я смотрел на снег за окном. На белую, чистую пелену, которая укрыла грязь и лужи.

— Приеду, — сказал я.

Я сам не знал, зачем согласился.

Может, хотел поставить точку. Может, хотел увидеть ее в последний раз. Может, просто боялся, что если не приеду, она снова начнет шантажировать.

Я врал себе. Конечно, врал.

Я хотел ее увидеть.

В два часа дня я парковался в том же дворе. Снег всё падал, крупными хлопьями, красиво, как в кино. Я сидел в машине, смотрел на подъезд и думал: последний раз. Зайду, заберу фото, попрощаюсь — и всё.

Она открыла сразу. В джинсах и простом свитере, без косметики, волосы собраны в хвост. Другая совсем. Не та хищница во вчерашнем халатике, а простая девчонка, почти ребенок.

— Привет, — улыбнулась она. — Заходи.

Я вошел. В квартире пахло пирогами — странно, она никогда не готовила.

— Я тут испекла, — сказала она, будто прочитав мысли. — Думала, может, посидим, попьем чаю. По-человечески.

— Анфиса, я за деньгами и фото.

— Успеешь. — Она взяла меня за руку, потянула на кухню. — Посиди пять минут. Я же не кусаюсь.

Я сел. Она налила чай, поставила тарелку с пирожками — кривыми, явно домашними, от которых пахло детством.

— Сама пекла? — спросил я.

— Ага. По видеоуроку. Первый раз в жизни. — Она засмеялась. — Получилось уродски, наверное.

Я откусил кусочек. Тесто сыровато, начинки мало. Но теплое, домашнее, почти трогательное.

— Нормально, — сказал я.

Она села напротив. Смотрела на меня своими огромными глазищами. В них не было вчерашней злости. Только грусть.

— Игорек, я дура, — сказала она тихо. — Я знаю. Наговорила тебе вчера... про жену твою. Это со злости. Я не хотела.

— Зачем тогда?

— Обидно было. Ты пришел, как чужой, про деньги говорил... А я ведь правда к тебе привыкла. Ты хороший. Со мной никто так не разговаривал, как ты. Не как с куклой.

Я молчал.

— Я понимаю, что ты меня не любил. Я не дура, Игорек. Но мне с тобой хорошо было. Тепло. А теперь... — она вздохнула. — Ладно. Прости, если что не так.

Она встала, подошла к шкафчику, достала флешку и конверт.

— Здесь всё. Фото, видео, переписка. Даже те, что ты не видел. Я ничего не оставила. Честно.

Я взял флешку. Посмотрел на нее.

— Спасибо.

— Деньги не надо. Я погорячилась вчера. Не давай мне ничего.

Я удивился.

— Ты серьезно?

— Ага. — Она улыбнулась грустно. — Не хочу, чтобы ты думал, что я только из-за денег. Пусть хоть что-то хорошее обо мне останется.

Я смотрел на нее и чувствовал, как внутри поднимается что-то теплое. Жалость? Нежность? Не знаю. Но это было опасно.

— Мне пора, — сказал я, вставая.

— Игорек...

— Что?

Она подошла близко. Заглянула в глаза.

— Поцелуй меня на прощание. Просто поцелуй. Как друга.

— Анфиса...

— Пожалуйста. Я больше никогда тебя не увижу.

Я знал, что нельзя. Знал, что это ловушка. Знал каждым нервом, каждой клеткой.

Но я сделал шаг навстречу.

Ее губы были мягкими, теплыми, пахли чаем и пирогами. Она прижалась ко мне, обвила руками шею. Поцелуй длился секунду, две, три...

А потом я оторвался.

— Всё, — сказал я хрипло. — Прощай.

— Прощай, Игорек.

Я вышел в коридор, накинул куртку. Руки тряслись. В голове билось: уходи, уходи быстрее.

Но дверь не открывалась. Ручка заела, что ли? Я дергал, дергал — бесполезно.

— Там замок хитрый, — раздался голос за спиной. — Надо чуть вверх потянуть.

Я обернулся.

Она стояла в двух шагах. Смотрела на меня. В глазах — уже не грусть. Что-то другое. Торжество?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.